

Центр междисциплинарных
исследований человеческого
потенциала

Человеческий капитал как фактор противодействия радикализации (на основе исследования дагестанских суфийских сетей)

Научный дайджест № 4 (21) • 2023

Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» создан в ноябре 2020 г. в рамках Национального проекта «Наука» как консорциум четырех организаций – лидеров в данной области научного знания: НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО МИД России и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Создание Центра стало самой масштабной в России инициативой в области социальных и гуманитарных наук за последние десятилетия. Среди его основных задач – не только проведение исследований мирового уровня в области развития человеческого потенциала, но и налаживание кооперации с зарубежными организациями-лидерами, запуск образовательных программ, создание передовой научной инфраструктуры, обеспечение трансфера полученных результатов в практику государственного управления и образование.

Центр реализует 81 научный проект. Программа исследований охватывает ключевые аспекты человеческого потенциала, актуальные сегодня в глобальной повестке:

социальное и гуманитарное измерение человеческого потенциала

нейрокогнитивные механизмы социального поведения

демографические и социальные факторы активного долголетия

природно-климатические детерминанты устойчивого развития

занятость, социальная активность и формирование ключевых навыков и компетенций

человеческий потенциал и безопасность в глобальном мире

человек в эпоху технологических трансформаций

*Научный дайджест подготовлен в рамках проекта
«Развитие человеческого капитала в интересах противодействия терроризму
и идеологическому экстремизму с учетом евразийского опыта»*

Руководитель проекта «Научный дайджест НЦМУ ЦМИЧП»: О. В. Ворон
Авторы: А.А. Ярлыкапов, С.М. Маркедонов, Н.А. Самойловская, В.Е. Таран
Редактор: А. А. Андрианова

Введение

Террористическим, экстремистским идеологиям и практикам посвящено немалое количество академических исследований и экспертных докладов. Вокруг этой тематики сосредоточена деятельность многочисленных университетских центров и «мозговых трестов». Однако для большинства авторов и научных институтов, работающих в данном направлении, характерна определенная односторонность.

Во-первых, акценты делаются на изучении общих вопросов (генезис терроризма, обеспечение безопасности государства и граждан, превенция терактов, классификация экстремистских практик)¹. Во-вторых, активно изучается идеология радикалов (прежде всего, джихадистов)². В-третьих, распространены исследования, в которых анализировался бы опыт противодействия терроризму и экстремизму в Евразии (Россия, страны Центральной Азии и Закавказья)³. Однако, признавая значительный вклад авторов, обращавшихся к различным страновым и региональным примерам, нельзя не заметить, что в фокусе их внимания – вопросы безопасности, борьбы различных международных центров силы за влияние, а также динамика государственно-конфессиональных отношений (как фактора радикализации).

В рамках нашего исследования приоритетом является нахождение новой теоретико-прикладной ниши в области противодействия терроризму и экстремизму. Для достижения этой цели в 2020 г. исследовательский коллектив провел сравнительный анализ подходов ведущих мировых центров в области изучения проблематики противодействия терроризму и экстремистских идеологий. В результате была сформулирована главная задача исследования – преодоление академических, образовательных и практических лагун в области противодействия терроризму и экстремизму. Стало очевидно, что исследователи нередко игнорируют человеческий аспект, ограничиваясь национальными, этническими, религиозными и структурными идентичностями. Как следствие, гуманитарные аспекты безопасности, алгоритмы функционирования неформальных авторитетов, причины их популярности, уязвимые места в образовательном пространстве и противоречия между светскими и религиозными ценностями остаются вне поля зрения исследовательских коллективов.

¹ Jensen M., Seate A. and James P. Radicalization to Violence: A Pathway Approach to Studying Extremism // *Terrorism and Political Violence*. 2018, Vol. 30, Issue 2. pp. 1067-1090.

² Sageman M. *Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century*. University of Pennsylvania Press, 2008; Руа О. *Глобализированный ислам: в поисках новой уммы*. М.: Издательство Марджани, 2018; Maher S. *Salafi-Jihadism: The History of an Idea*. C Hurst & Co Publishers Ltd. 2016.

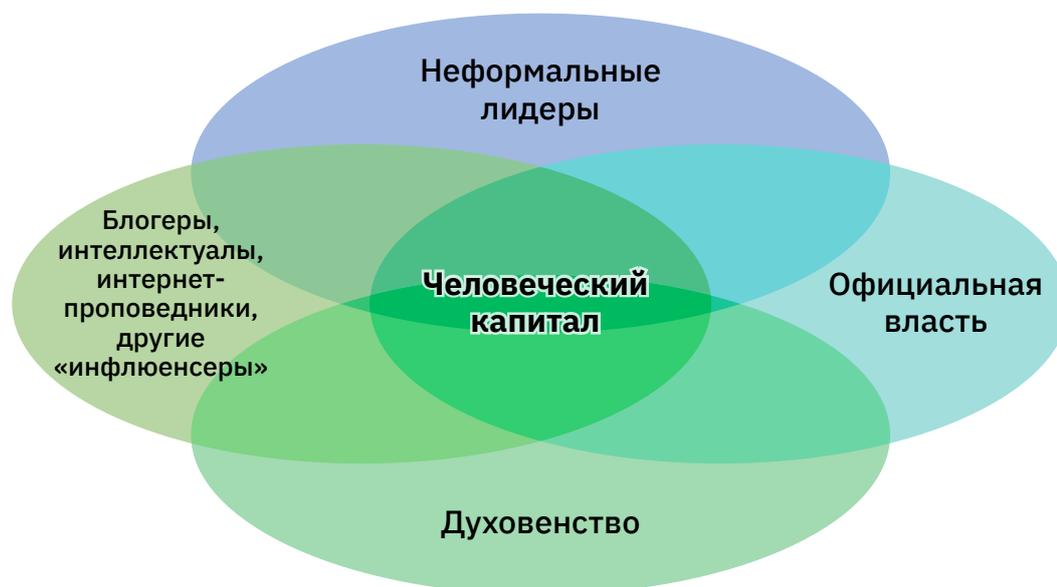
³ Laruelle M and Peyrouse S. *Globalizing Central Asia. Geopolitics and the Challenges of Economic Development* New York: M.E. Sharpe. 2013.; Ratelle J-F. *A Critical Assessment of the Scholarship on Violent Conflicts in the North Caucasus during the Post-Soviet Period* // *Caucasus Survey*. 2015. Volume 3, Issue 1. pp. 1-24; Klimentov V. *Bringing the war home: the strategic logic of 'North Caucasian terrorism' in Russia* // *Small Wars & Insurgencies*. 2020 - Vol. 32, No. 2, pp. 374-408.

Исследовательский вопрос

Авторы сфокусировались вокруг основного исследовательского вопроса: как человеческий капитал влияет на потенциал радикализации и дерадикализации общества крупнейшей республики Северного Кавказа Дагестана. С нашей точки зрения, человеческий капитал – это не абстрактное понятие, а люди, которые играют серьезную роль в создании ценностей и смыслов. Кроме представителей официальных властей и духовенства, среди них также неформальные лидеры, интернет-проповедники, блогеры и интеллектуалы. Они являются опорой для религиозных сетей, которые набирают популярность в пространстве Евразии и представляют серьезную конкуренцию официальным структурам.

Рисунок 1.

Трактовка человеческого капитала с точки зрения основных влияющих на его формирование лиц и институтов

В настоящем аналитическом докладе мы представляем результаты, полученные в ходе исследования человеческого капитала как фактора противодействия радикализации. Наши выводы базируются на основе изучения дагестанских суфийских сетей. Обращение к кейсу Дагестана представляет особую актуальность. Эта республика – самый крупный регион российского Северного Кавказа. Именно здесь проживает почти 3 млн мусульман России – около 7-8% их численности. Дагестан – это 55% мечетей по всей России, 85% паломников, совершающих хадж, 90% всех российских исламских учебных заведений, 75-80% выпускников, способных сегодня работать в мечетях¹. Дагестанский муфтият по количеству приходов опережает даже некоторые межрегиональные духовные управления. В республике свыше 2,5 тыс. мусульманских религиозных

¹ Роцин М., Лункин Р., Филатов С. Республика Дагестан // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т.1. / Науч. ред. и сост. С.Б. Филатов. М.: Летний сад, 2014. С.547-548.

организаций. За пределами Дагестана проживают многочисленные выходцы из республики. За последние 20 лет как минимум 30 тыс. ногайцев переехали из Северного Кавказа в регионы Сибири и Севера.¹

Рисунок 2.

Значение Республики Дагестан с точки человеческого капитала в сфере религии

И хотя проблемам Дагестана посвящено немало исследований, они, как правило, фокусируются на вопросах безопасности, государственно-конфессиональных отношений (фактически, речь идет об отношениях федерального, республиканского центра и дагестанского муфтията)². При этом проблемам сетевой (само)организации и ее влияния на де(радикализацию) уделяется все еще недостаточное внимание.

¹ Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community //Problems of Post-Communism. 2020/ Vol. 67. № 4-5. pp.338.

² См., например, Абдулагатов З.М. (2012). О влиянии религиозного фактора на экстремистское поведение дагестанской молодежи // Социологические Исследования, 1, 106–113; Абдулагатов З.М. (2013). Исламское массовое сознание постсоветской России. ИИАЭ ДНЦ РАН; Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. (2014). Реституция шариата на российском Кавказе: проблемы и перспективы // Pax Islamica, 2(11), 61–93; Бобровников В.О., Шехмагомедов М.Г., Шихалиев Ш.Ш. (2017). Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования. Санкт-Петербург: Президентская библиотека; Кисриев Э.Ф. (2004). Ислам и власть в Дагестане. (А. Малашенко, ред.). Москва: ОГИ; Рагозина С. (2013). Дискурс политического ислама на примере интернет-пространства Северного-восточного Кавказа. Москва: URSS и др.

Рабочая гипотеза

Рабочая гипотеза представляет собой оценку и анализ вклада сетевой самоорганизации в реисламизацию постсоветской России в целом, и Северного Кавказа в частности, который, по мнению исследовательского коллектива, не менее важен, чем роль официальных духовных управлений. Однако зачастую религиозные сети оказываются в «слепой зоне» вне широко известных иерархий, устоявшихся связей между религиозными лидерами, государственной и муниципальной властью. В то же время сетевые структуры обладают определенным неформальным авторитетом и влиянием на разные группы населения.

Рисунок 3.

Графическое представление основной рабочей гипотезы исследования

В этом контексте крайне важна адекватная оценка возможности их интеграции в общероссийские государственные и неправительственные проекты для противодействия экстремистским теориям и практикам. Наше исследование основано на уникальном полевом материале, впервые вводимом в научный оборот, который показывает, что сети — это не некое агрессивное подполье, а среда, с которой необходимо взаимодействовать Духовному управлению мусульман Дагестана (ДУМД) и властям для сохранения потенциала к дерадикализации.

Сетевой принцип религиозной (само)организации

В последние десятилетия на территории России в исламских кругах шло становление сетевых социальных сообществ, участники которых находили друг друга и поддерживали взаимодействие между собой по преимуществу посредством мессенджеров и онлайн-платформ. Такие сообщества во многих случаях оказались устойчивее и эффективнее, чем традиционные формы религиозной организации и самоорганизации. Большинство «обычных» этнических организаций, игравших значительную роль в 1990-е – начале 2000-х годов, кануло в Лету; официальные религиозные структуры, также весьма влиятельные в 1990-е, на современном этапе переживают очевидный кризис. Высокая эффективность сетевых социальных сообществ позволила им ставить и решать политические задачи, которые оказались не в силах решать традиционные религиозные организации.

Сети, о которых здесь идет речь, можно определить как социальные группы, основанные на взаимодействии отдельных людей, не объединенных в какую-либо формальную (то есть каким-либо образом зарегистрированную) организацию, но ощущающих свою общность, свое единство вокруг неких целей и направленных на их достижение действий (т.н. сетевого активизма).

Рисунок 4.

Определение понятия сетевого социального сообщества

– социальные группы, основанные на взаимодействии отдельных людей, не объединенных в какую-либо формальную (то есть каким-либо образом зарегистрированную) организацию, но ощущающих свою общность, свое единство вокруг неких целей и направленных на их достижение действий (т.н. сетевого активизма).

Строго говоря, сводить эти сети исключительно к мессенджерам и онлайн-платформам некорректно, так как последние представляют собой не суть (и содержание) феномена, а лишь инструмент связи людей, заинтересованных друг в друге, но предоставляющий широкие возможности для формирования и развития сетевого активизма социальных групп. От иерархических формальных организаций такие сети отличает то обстоятельство, что и при наличии лидера (в таких сетях мы обычно имеем дело с несколькими неформальными лидерами) каждый их участник обладает высокой степенью автономии.

Рост значимости сетей в религиозной среде становится все более очевиден в последнее десятилетие, так как мусульманские сообщества ярко демонстрируют тенденцию децентрализации. Джамааты (мусульманские общины) становятся все разнообразнее, одну и ту же мечеть посещают мусульмане различных убеждений – мазхабов и течений.

В формальном джамаате мечети пересекаются представители различных «виртуальных» джамаатов (в религиозном отношении являющихся более реальными, чем «сборный» джамаат мечети). Сети действуют «поверх» организационных структур, в том числе и таких традиционных, как консолидированные вокруг мечетей джамааты. Порой сетевые структуры иницируются теми же духовными лидерами, которые контролирует и формальные организационные структуры. В результате образуется комбинированная, гибридная, как правило, трансрегиональная сеть. Ярким примером такой сети является суфийская сеть последователей ныне покойного дагестанского шейха Саида-афанди Чиркейского, которые полностью контролируют Духовное управление мусульман Дагестана.

Ключевое значение для понимания соответствующих процессов имеет информация, характеризующая ядро сети. Члены ядра могут физически находиться за тысячи километров друг от друга, но при этом принимать эффективные решения, обсуждая актуальные темы в режиме реального времени, в своего рода «распределенных офисах» на базе таких мессенджеров, как WhatsApp, Telegram и др.

Сети становятся политическими акторами, преследующими и добивающимися реальных целей, не будучи при этом распознаваемыми остальными политическими игроками. Объектами же политического интереса сетей становятся общественные и государственные институты. Сетевой активизм все более способен влиять на эти институты, оставаясь при этом «невидимым» для государственного воздействия.

Методы исследования

В представленной работе мы реализуем междисциплинарные подходы. Они опираются на общефилософские положения рационалистических объяснений социальных, в том числе религиозных, явлений в обществе. При этом делается акцент на методологии анализа эмпирических данных индивидуальных интервью, экспертных и социологических опросов, фокус-групп, результатов включенного наблюдения и анализа текстов.

Ключевой концепт, положенный в основу настоящей работы – это акторно-сетевой анализ. Как утверждает Л.В. Сморгун, существует две основные школы, которые используют сетевой подход методологически. Для англосаксонской школы характерно изучение «взаимодействия государства и групп интересов», а для немецкой школы – акцент на изучение сетей как новой формы государственного управления¹. Что касается российской школы, то, по мнению А.С. Шерстобитова, В.А. Осипова, Н.А. Зарипова, несмотря на наличие множества проблемных зон, куда входят ограничения применения сетевой методологии, терминологические споры и основательный крен в сторону теоретических исследований, концептуализация ряда методических подходов будет способствовать преодолению возникших ограничений применения сетевого подхода².

Авторы данного исследования опираются на концепцию коммуникативных сетей, которая говорит о том, что основная задача исследователя состоит в выявлении видимых или же скрытых сетей взаимодействия индивидов и коллективов, связанных общими идеалами и интересами³. Большое внимание уделяется индивидам-«узлам» сети, которые вырабатывают смыслы и идеологию сети в тесной коммуникации с остальными ее участниками. Информационный обмен в сетях тесно осуществляется как через виртуальные средства коммуникации, так и путем физических контактов.

Непосредственно для исследования религиозных сетей применялись в первую очередь методы полевой этнографии – интервью с активистами сетей, а также с экспертами. В ходе исследования предпочтение отдавалось методу полуструктурированного или неструктурированного глубинного интервью, состоящего из тематических блоков и включающего в себя открытые вопросы. Важным является и метод включенного наблюдения, который адаптирован под «цифровую антропологию»: исследователь включался в соответствующие группы в WhatsApp, других мессенджерах и социальных сетях, где происходило наблюдение за значительной частью сетевого активизма. Также применялись социологические методы в виде фокус-групп с участниками сетевых сообществ.

¹ Сморгун Л. В. Сетевой подход к политике и управлению, Полис. Политические исследования, 2001, № 3. С. 103.

² Шерстобитов А.С., Осипов В.А., Зарипов Н.А. Проблемы и перспективы сетевого подхода к анализу политики: развитие теории и методов или тщетные поиски «золотого теленка»? ИНИОН РАН, 2021, № 4: Политические сети.

³ Latour, B. (2005). Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, pp.10-11.

Рисунок 5.

Основные элементы методологии проводимых полевых исследований

Полевые исследования проведены в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО), Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО), Республике Дагестан (РД) и Томской области. Основной темой было изучение современного суфизма и суфийских сетей на территории Республики Дагестан и за ее пределами. Были проведены интервью как с рядовыми последователями суфизма, так и с их лидерами: муфтием Республики Дагестан, шейхом шазилийского и накшбандийского тарикатов Ахмадом-хаджи Абдулаевым, имамом Центральной Соборной мечети города Махачкалы Мухаммадом Атангуловым, лидерами суфиев в Новом Уренгое, Сургуте и Томске. В ходе исследований были уточнены вопросы распространения суфизма в Дагестане, его особенностей, противодействия религиозному радикализму и экстремизму, а также распространения суфийских сетей за пределами республики.

Дагестанская суфийская сеть

В современной исламской жизни России растет роль суфизма. Это небывалый для нашей страны феномен. И для имперской, и для советской России было характерно недоверие и преследование суфизма, который в те времена воспринимался практически как аналог современных радикальных групп. В значительной мере рост роли суфизма стал результатом процессов реисламизации после распада Советского Союза и возвращения религиозных свобод. Реисламизация привела к непропорциональному росту числа представителей салафитских групп, составивших основу радикального ислама, в качестве противовеса которому и выступили суфии. Наиболее значимой суфийской фигурой новой России стала личность Саида-афанди Чиркейского, стоявшего у истоков экспансии дагестанских суфийских сетей за пределы Дагестана.

Духовное управление мусульман Дагестана, возникшее в 1990 г. на развалинах советского Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), было, в отличие от советского муфтията, просуфийским. В постсоветские годы суфийская жизнь расцветает в Дагестане, появляется большое число (около двух десятков) шейхов. Самой крупной ветвью по числу последователей и влиятельности в республике является ветвь накшбандийа-махмудийа, связанная с шазилийа, которую возглавлял Саид-афанди Чиркейский. Его сторонники со второй половины 1990-х годов полностью берут в свои руки контроль над ДУМД, активно используя его для усиления своего политического влияния в республике. Тогда же разворачивается и борьба с ваххабизмом.

Впрочем, история взаимоотношений суфиев и ваххабитов в республике знала и оттепели. В частности, весной 2012 г. по инициативе самого Саида-афанди состоялась встреча представителей ДУМД и умеренных ваххабитов (представителей Ассоциации ученых «Ахль ас-сунна в Дагестане»). На встрече была принята беспрецедентная резолюция о предотвращении столкновений суфиев и салафитов. Несмотря на последовавший затем террористический акт, повлекший гибель шейха, между суфиями и салафитами после этого в Дагестане установился «холодный мир». Противостояние перешло в доктринальную и сетевую сферу, причем борьбу за человеческий капитал суфии Дагестана уверенно выигрывают, все более увеличивая число своих последователей.

Политическое значение ветви Саида-афанди Чиркейского росло и в силу того, что достаточно влиятельные люди в правительстве и парламенте республики становились его последователями. Благодаря такой «кадровой» политике, суфийская сеть Саида-афанди в 2010-е годы и стала самой влиятельной религиозной силой в Республике Дагестан, сконцентрировав в своих руках как официальные структуры (ДУМД, Совет алимов, значительную часть исламских вузов и медресе), так и неофициальные сети. В настоящее время ветвь Саида-афанди Чиркейского представляют два шейха – муфтий Дагестана Ахмад-хаджи Абдуллаев (род. в 1959 году) и Абдулжалил-афанди из с. Верхний Каранай (род. в 1943 году).

Муфтий Ахмад-хаджи Абдуллаев показал себя компетентным главой обширной суфийской сети, лично ею руководящим. В частности, он говорит о ценности представителей тех народов Дагестана, которые стали приходить к суфизму позже аварцев.

По его мнению, они очень хорошо впитывают суфийское учение и рьяно распространяют его дальше, играя большую роль в деле противодействия радикальным течениям. Он подчеркнул, что очень помогает распространению учения то обстоятельство, что от 20 до 40% представителей этих народов Дагестана находятся в миграции. Наблюдения в ходе полевых исследований в Сургуте и Новом Уренгое действительно фиксируют серьезный рост численности последователей дагестанских суфийских сетей в ХМАО и ЯНАО как минимум с начала 2000-х гг.

В целом же мусульманское сообщество ХМАО и ЯНАО представляет собой достаточно конкурентное поле, в котором дагестанские суфийские сети активно расширяют свое присутствие. Не обладая серьезным авторитетом среди верующих, Центральное Духовное управление мусульман России (ЦДУМ; г. Уфа; верховный муфтий Талгат Таджуддин) ищет себе союзников. И именно Духовное управление мусульман Дагестана, прежде всего через свои неформальные сети, предприняло усилия к расширению своего влияния в Сибири.

ДУМД стремится позиционировать себя и как общероссийский центр суфийского ислама. Каждый год на месяц раби уль-авваль (месяц рождения Пророка Мухаммада) дагестанский муфтият отправляет во многие регионы делегации для проведения мавлидов (обрядов по случаю наступления месяца рождения Пророка).

Важный способ распространения влияния последователей Саида-афанди Чиркейского – распространение дагестанской газеты «Ас-салам», которая позиционируется как общероссийская духовно-просветительская газета. Представители ДУМД также активно встречаются со студентами вузов.

Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что распространение дагестанских суфийских сетей за пределы республики, особенно за Урал, не является стихийным процессом. Речь идет о системной, планомерной политике, находящийся под пристальным контролем самого муфтия. В ходе полевых исследований удалось установить существенные изменения уровня организации работы ДУМД, находящегося под контролем суфиев ветви Саида-афанди Чиркейского.

Курс на создание мощной альтернативы салафитским джамаатам в виде сильных суфийских сообществ очевидно разумен. В то же время в связи с происходящими процессами простые российские мусульмане, которые не являются последователями ни радикальных салафитских учений, ни суфизма, ставятся в непростое положение. Уже сегодня возникают ситуации, когда они вынуждены выбирать что-то одно из них. Если прежде в мусульманском сообществе страны преобладала тенденция к мозаизации, то с расширением суфийских сетей она может сильно затормозиться.

Таким образом, дагестанская суфийская сеть активно распространяется за пределы республики, используя все преимущества сетевой деятельности. Дагестанские суфии становятся все более серьезной политической силой, способной в обозримом будущем принять субъектное участие в переделе лидерских позиций в мусульманском сообществе России. Один из сильных аргументов, который они обязательно используют – их весомый вклад в борьбу с распространением радикальных исламских групп.

Выводы и рекомендации

1. Проведенное нами исследование свидетельствует о тенденции стихийного и целенаправленного смещения религиозного активизма в сетевую сферу. Это ставит других игроков, в том числе и государство перед фактом вызревания новых политических субъектностей, которые способны влиять на ситуацию в обществе, при том что механизм такого влияния зачастую остается за кадром.
2. Неформальные религиозные сети могут быть полезны в борьбе с радикальными и экстремистскими группировками, как показывает опыт дагестанской суфийской сети. В то же время необходимо понимать, что у каждой религиозной сети есть собственные цели, не обязательно совпадающие с интересами государства.
3. В этой связи при осуществлении политического анализа ситуации в российских регионах необходимо уделять внимание анализу влияния религиозных сетевых объединений. Особого внимания заслуживает дагестанская суфийская сеть, имеющая огромное влияние в мусульманских сообществах азиатской части России. Было бы целесообразно присмотреться к активистам этой сети в конкретных регионах (Башкортостан, Татарстан, Томская область, ХМАО, ЯНАО, Иркутская область, Владивосток) для налаживания более тесного сотрудничества, в том числе в противодействии экстремистским и исламистским группам и проявлениям.
4. Вместе с тем следует учитывать особый характер суфийской сети, наличие у нее весьма разветвленной, сложной системы доктринальных установок и практик, а также собственных политических целей.
5. Некоторые трансграничные религиозные сети имеют российскую доминанту. Так, например, в суннитских сетях, объединяющих азербайджанцев Грузии и российских чеченцев, последние являются ведущей силой. То же можно сказать и про распространяющиеся суфийские дагестанские сети. Эти расклады целесообразно использовать для того, чтобы продвигать российские интересы среди соответствующих групп в Грузии.

Список литературы

1. Абдулагатов З.М. Исламское массовое сознание постсоветской России. ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013;
2. Абдулагатов З.М. О влиянии религиозного фактора на экстремистское поведение дагестанской молодежи // Социологические Исследования, 2012, 1, 106–113;
3. Бобровников В.О., Шехмагомедов М.Г., Шихалиев Ш.Ш. Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017;
4. Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. Реституция шариата на российском Кавказе: проблемы и перспективы // Pax Islamica, 2014, 2(11), С. 61–93;
5. Роцин М., Лункин Р., Филатов С. Республика Дагестан // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т.1. / Науч. ред. и сост. С.Б. Филатов. М.: Летний сад, 2014. С.547-548.
6. Руа О. Глобализированный ислам: в поисках новой уммы. М.: Издательство Марджани, 2018.
7. Сморгунов Л. В. Сетевой подход к политике и управлению, Полис. Политические исследования, 2001, № 3. С. 103
8. Шерстобитов А.С., Осипов В.А., Зарипов Н.А. Проблемы и перспективы сетевого подхода к анализу политики: развитие теории и методов или тщетные поиски «золотого теленка»? ИНИОН РАН, 2021, № 4: Политические сети.
9. Jensen M., Seate A. and James P. Radicalization to Violence: A Pathway Approach to Studying Extremism // Terrorism and Political Violence. 2018, Vol. 30, Issue 2. pp. 1067-1090;
10. Klimentov V. Bringing the war home: the strategic logic of 'North Caucasian terrorism' in Russia // Small Wars & Insurgencies. 2020, Vol. 32, No. 2, pp. 374-408;
11. Laruelle M and Peyrouse S. Globalizing Central Asia. Geopolitics and the Challenges of Economic Development New York: M.E. Sharpe. 2013;
12. Latour, B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005;
13. Maher S. Salafi-Jihadism: The History of an Idea. C Hurst & Co Publishers Ltd. 2016
14. Ratelle J-F. A Critical Assessment of the Scholarship on Violent Conflicts in the North Caucasus during the Post-Soviet Period // Caucasus Survey, 2015, Vol. 3, Issue 1. pp. 1-24;
15. Sageman M. Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. University of Pennsylvania Press, 2008;
16. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // Problems of Post-Communism. 2020, Vol. 67. № 4-5. pp.338.